

Клышевич Мария Александровна

ГЕРМАНО-СОВЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ПОЗИЦИИ АНГЛИИ И ФРАНЦИИ (1918-1923 ГОДЫ)

Становление германо-советских отношений в 1918-1923 годах было сложным процессом, на который оказывали влияние не только внутренние проблемы самих государств, но и международная обстановка и интересы других стран. Англия и Франция, как ведущие государства послевоенной Европы, не могли не учитывать фактор советско-германского взаимодействия при формировании внешней политики. В статье анализируются позиции Англии и Франции по отношению к Германии и Советской России, и делаются выводы об их воздействии на становление и развитие германо-советских контактов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/11-1/22.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (37): в 2-х ч. Ч. I. С. 103-108. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 9(4)

Исторические науки и археология

Становление германо-советских отношений в 1918-1923 годах было сложным процессом, на который оказывали влияние не только внутренние проблемы самих государств, но и международная обстановка и интересы других стран. Англия и Франция, как ведущие государства послевоенной Европы, не могли не учитывать фактор советско-германского взаимодействия при формировании внешней политики. В статье анализируются позиции Англии и Франции по отношению к Германии и Советской России, и делаются выводы об их воздействии на становление и развитие германо-советских контактов.

Ключевые слова и фразы: советско-германские отношения; внешняя политика Англии; внешняя политика Франции; Генуэзская конференция 1922 года; Рапальский договор 1922 года.

Клышевич Мария Александровна*Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина**klyshevichm@mail.ru***ГЕРМАНО-СОВЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ПОЗИЦИИ АНГЛИИ И ФРАНЦИИ (1918-1923 ГОДЫ)©**

Первая мировая война оказала сильное воздействие на все европейские государства, привела к тяжелым лишениям, серьезными оказались последствия для производства, военные расходы вынудили правительства стран прибегнуть к увеличению налогов и использованию ресурсов международного финансового рынка. В связи с этим одним из основных вопросов послевоенной Европы стала проблема выплаты займов, которая была тесно связана с репарационными выплатами Германии. Процесс выхода из кризиса осложнялся еще и противоречиями между странами Антанты. Важным фактором стало появление нового государства, Советской России, которое привносило в европейскую политику проблемы революционных настроений и идеологического противостояния. Исключение Германии и Советской России из европейской политики и экономики ломало устоявшиеся связи и контакты и мешало возвращению континента к мирной жизни. Начавшееся германо-советское сотрудничество не могло остаться без внимания ведущих государств, в первую очередь Англии и Франции.

В начале 1920-х годов Англия и Франция стремились к сохранению статус кво, но делали это разными способами. Британия хотела примирения и стабильности в Европе с целью экономического восстановления и сохранения позиции мировой державы без участия в дорогостоящих европейских войнах. Французская политика исходила из трех основных пунктов: необходимости создания системы безопасности для предотвращения германской агрессии; получения репараций для восстановления экономики с одновременным препятствованием германской экономической гегемонии в Центральной Европе; создании основ для промышленности, способной обеспечить национальную безопасность и экономический рост. Различия в позициях Франции и Англии были связаны, прежде всего, с географическими особенностями. В сферу британской политики традиционно входили Европа и колонии, для нее важна была стабильность в Восточной Европе, достичь которой можно было путем распределения земель, удовлетворившего бы все государства, включая Германию. Влияние России в западноевропейском регионе не вызывало беспокойство в Англии, поскольку он не входил в число стратегических областей британской внешней политики. Для Франции политика в отношении Западной Европы имела ключевое значение. Французские военные воспринимали Германию в 1920-х годах как постоянную угрозу своей безопасности. Для Франции важным было сохранять сильные и стабильные государства, расположенные между Германией и Советской Россией.

Все противоречия Версальского миропорядка были очевидны его современникам. Предсказывая будущее развитие международных отношений в 1922 году в книге «После войн и революций» Д. Ю. Далин, меньшевик, находившийся в эмиграции, выделял три основных фактора Версальской системы, которые подвергал сомнению. Он отмечал, что «разрыв союза, т.е. обособление политики Франции и Англии по отношению к побежденным, неизбежно влечет за собой соглашение одной из них с Германией, направленной против другой» [3, с. 266]. Поэтому основа новой системы – неизбежность союза победителей, прежде всего Англии и Франции. Д. Ю. Далин прогнозировал будущий крах Версальской системы: «Поэтому вопрос, который стоит сейчас перед Европой, состоит уже не в том, сохранится ли устойчивость нынешней системы, а в том, как и в каком направлении пойдет это изменение» [Там же, с. 269]. Д. Ю. Далин описывал несколько вариантов, по которым может пойти дальнейшее развитие отношений между странами Антанты, Германией и Советской Россией: «У России нет никаких оснований примкнуть к союзу, направленному острием против Германии, наоборот, именно с Германией связывает ее общность интересов во множестве международных вопросов» [Там же, с. 273]. Будущее сближение Германии и Советской России он объяснял объективными факторами: «Германия и Россия являются побежденными в войне. Обе превращены в объекты международной политики» [Там же, с. 281]. При этом важнейшим шагом на пути развития двусторонних отношений он считал признание России – «той России, какая сейчас имеется, т.е. Советской России» [Там же, с. 283].

После падения царской власти в России, установления коммунистического режима, распада Австро-Венгрии и появления ряда малых государств в Европе, которые стремились к отстаиванию своих интересов на международной арене, Германия была необходима Англии как противовес Франции. Британия

стремилась противодействовать попыткам Франции наложить на Германию излишние военные и экономические ограничения и в то же время не была готова дать Франции гарантии безопасности. Как следствие, Франция требовала дополнительных гарантий безопасности и отказывалась пересматривать статьи Версальского договора в пользу Германии.

Франция рассматривала германские репарации как орудие экономического ослабления Германии. Англия подходила к этому вопросу с точки зрения перспектив «экономического оздоровления» Европы. Английская промышленность нуждалась в европейских рынках, а восстановление Европы трудно было представить без участия в торговых отношениях Германии. Именно поэтому Англия противодействовала французскому военному и экономическому нажиму на Германию, попыткам чрезмерного ослабления промышленного потенциала Германии. С момента подписания Версальского мирного договора и до конца 1922 года позиция Великобритании в вопросе о репарациях претерпела значительные изменения, что привело к охлаждению англо-французских отношений и сближению с Германией. В мае 1921 года странами Антанты была принята новая схема репарационных платежей, а в Германии была провозглашена «политика выполнения», которая позволила Англии в обсуждениях с Францией поднять вопрос о платежеспособности Германии.

В начале 1920-х годов во Франции и Англии существовали противоречивые взгляды на Советскую Россию. Этому способствовала неустойчивая политическая обстановка в первые годы существования советского государства, призывы к мировой революции, закрытость молодого государства и цензура. Постепенно Англия и Франция начали получать точную и полную информацию о советской экономике, государственном управлении и уровне военной мощи. После провала попыток совершить мировую революцию советское правительство провозгласило принцип «мирного сосуществования». Несмотря на то, что объективная реальность требовала направить все усилия на установление отношений с другими государствами, идея поддержки революционного движения продолжала оставаться одной из задач советской внешней политики. Американский исследователь Дж. Якобсон писал по этому вопросу: «Два направления советских отношений на раннем этапе сложно объединить в единую стратегию. Не было найдено единого пути, чтобы участвовать в международных отношениях с капиталистическими странами и при этом уничтожить капиталистический строй» [13, р. 142].

После аннулирования советским правительством иностранных займов между Англией и Францией было заключено соглашение о непризнании этого факта. Принцип совместной защиты интересов держателей займов и бывших собственников был зафиксирован в решениях международной конференции кредиторов России, состоявшейся в Париже в июне 1920 года с участием представителей Англии. А. Бриан призывал британское правительство к экономическому и политическому сотрудничеству в «русском вопросе», что предполагало: общее соглашение с Россией по всем категориям обязательств, получение эффективных гарантий от России в деле погашения обязательств, создание международной организации по взысканию долгов и убытков от советского правительства и т.д. Ллойд Джордж ответил на предложение А. Бриана уже после заключения торгового договора с Советской Россией и заявил, что вопрос о долгах является самостоятельным и может решаться отдельно от возобновления торговых отношений; Великобритания окажет поддержку Франции в вопросе о русском долге. При этом Великобритания оставляла за собой право вести самостоятельные переговоры с Россией.

Когда в конце 1921 года советский нарком иностранных дел Г. В. Чичерин отметил, что Россия готова стать частью мирового сообщества на равных основаниях, Ллойд Джордж поддержал эту идею. Во время его встречи с французским премьер-министром Аристидом Брианом в январе 1922 года была разработана программа будущей Генуэзской конференции. Окончательное решение о созыве международной конференции по экономическим вопросам было принято странами Антанты на совещании в Каннах 6-13 января 1922 года. На переговорах в Каннах британская дипломатия представила меморандум, в котором подчеркивалась необходимость урегулирования «русского вопроса» как ключевого в деле восстановления Европы. Между Англией и Францией была достигнута договоренность об общей линии поведения в отношении Советской России. Они пригласили на эту конференцию страны, проигравшие в ходе Первой мировой войны, в том числе Германию, а также Советскую Россию. Условия налаживания взаимоотношений были сформулированы в Каннской резолюции от 6 января 1922 года. Принимая приглашение, советское правительство исходило из того, что оно не обязано принимать условия Каннской резолюции. Тем не менее, некоторые страны, в первую очередь Франция, настаивали на том, что предварительным условием участия в Генуэзской конференции было принятие Каннских условий.

С помощью будущей конференции Ллойд Джордж планировал укрепить свой престиж и влияние либералов в стране в связи с обострением внутреннего положения, вызванного тяжелым экономическим кризисом и небывалой безработицей. Конференция, по мнению Ллойда Джорджа, должна была исправить или смягчить эту ситуацию и в то же время вывести Европу из кризиса, прежде всего, за счет России.

У Ллойда Джорджа было следующее видение европейской политики: «Соглашение с Германией на основе уступок по репарационному вопросу и привлечение ее к европейскому сотрудничеству; укрепление, хотя и на ограниченной основе, англо-французской Антанты; экономическое и политическое соглашение с Советской Россией на основе широкой эксплуатации богатств России иностранным капиталом и максимальное привлечение Германии к «экономическому восстановлению» России» [4, с. 394]. На конференции союзников по репарациям и разоружению Германии, проведенной 5-16 июля 1920 года в Спа, В. Ратенау предложил план консорциума, который состоял в том, что европейские державы объединятся для восстановления России с тем, чтобы она стала покупать впоследствии товары Германии, оплачивая их золотом и валютой, которые шли бы на уплату репараций. По мнению В. Ратенау, в этот консорциум кроме Германии должны были войти Англия, Франция, Италия, Бельгия. В последующих переговорах с Ллойдом Джорджем 2 декабря 1921 года В. Ратенау выдвигал мысль о том, что объединение финансистов и промышленников из стран Европы и Америки может предотвратить угрозу большевизма, а также сделать Россию открытой для эксплуатации ресурсов. Правительство

Британии поддерживало идею В. Ратенау о консорциуме, основанном в первую очередь на англо-германском сотрудничестве в противовес германо-американскому. Франция была категорически против самой идеи создания консорциума, так как опасалась быстрого подъема Германии и возрождения России.

В течение 1922 года Форин Офис получал сообщения о германо-советском сотрудничестве. Вместе с тем посол Англии в Берлине лорд д'Абернон, основываясь на своем общении с германскими представителями, заверял британское руководство, что Германия не предпримет никаких шагов, которые могли бы противоречить британским интересам в России. Возможности сотрудничества Германии и Советской России вызвали опасения и у британского представителя в Варшаве У. Мюллера. В связи с подписанием англо-французского договора о безопасности в преддверии Генуэзской конференции, он отмечал, что Франция была обеспокоена возможным германо-советским альянсом, который был бы направлен против Польши. В ином случае, она бы не обратилась за гарантиями безопасности к Англии.

На Лондонском совещании экспертов, предшествовавшем Генуэзской конференции, были выдвинуты следующие требования к России: признание долгов и обязательств царского и временного правительств; восстановление собственности иностранных подданных, национализированной в России, или полная компенсация ее владельцам; установление особого режима судопроизводства для иностранцев в России по типу режима капитуляций; создание свободных зон в некоторых портах России; максимальное устранение всяких ограничений для внешней торговли.

Генуэзская конференция была призвана сгладить противоречия между Францией и Великобританией по вопросу репараций и установить мир в Европе. Ожидалось, что конференция вернет в европейскую систему Германию и Россию, которые были исключены из нее с 1918 года.

Одним из ключевых вопросов на Генуэзской конференции стала проблема долговых обязательств. Согласно подсчетам иностранных экономических изданий, сумма государственных и частных долгов составляла приблизительно 18,5 млрд золотых рублей. Выплата таких долгов была непосильна для России, о чем убедительно писал К. Радек. Он отмечал в 1922 году: «Если допустить на минуту, что Советское правительство согласилось бы платить по этим долгам полностью, и в положенный срок, то первый взнос с процентами и с погашением 1/25 долга потребовал бы суммы около 1,2 млрд руб. Царское правительство с огромным напряжением платежных сил населения в состоянии было на основе довоенной продукции и довоенных размеров внешней торговли, имевшей превышение вывоза над ввозом перед войной в среднем 366 млн в год, выплачивать процентов и погашения около 400 млн руб. в год. Чтобы иметь возможность выплачивать указанную сумму в 1,2 млрд в год, Россия должна не только достигнуть выпуска довоенной продукции к 1927 году, но и превзойти таковую в три раза» [8, с. 91-92]. При этом «производство в России глубоко расстроено. Чистый годовой национальный доход страны упал с 12 миллиардов – до войны до 4 миллиардов – по самым оптимистичным подсчетам. Если национальный доход наш будет расти в два раза быстрее, чем до войны, и удвоится в 16 лет, то стране нужно будет 25 лет, чтобы вернуться к уровню довоенной продукции. Этот вывод могла бы подтвердить любая беспристрастная и научно добросовестная комиссия экспертов-экономистов, которая имела бы возможность ознакомиться с состоянием нашего народного хозяйства. Насколько чудовищно велики предъявляемые нам к уплате требования, видно из следующих данных: царское правительство платило ежегодно перед войной по своим долгам сумму, равную 3,3% всего государственного бюджета. Меморандум экспертов считает возможным требовать от России уплаты через пять лет таковой суммы, которая равна 20% всего возросшего на 30% национального дохода и около 80% всего теперешнего государственного бюджета России, причем уплата должна производиться странам, ежегодный национальный доход которых на душу населения в 7-8 раз больше национального дохода России» [Там же].

Российская делегация подготовила баланс взаимных требований и долгов, который отражал огромные контрпретензии в связи с ущербом, нанесенным стране интервенцией и Гражданской войной. Общий объем претензий составил 50 млрд золотых рублей, что почти в три раза превышало размеры претензий к России. Выдвинутые советской делегацией контрпретензии показывали, что Советская Россия заняла жесткую позицию по вопросу долгов. Стало понятно, что быстро достичь соглашения по этой проблеме, как на это рассчитывали страны Антанты, не удастся. В то же время Англия и Франция не стремились идти на уступки и принимать выдвинутые контрпретензии. Между ними существовали серьезные различия в подходе к вопросу о возмещении национализированной частной собственности. Франция, которую поддерживала Бельгия, полагала, что, если невозможна реституция, необходимо полное восстановление в правах бывших собственников или компенсация бывшим владельцам. Англия и Италия отстаивали принцип компенсации. Эти разногласия были вызваны различной экономической заинтересованностью стран. Францию волновали, прежде всего, довоенные долги, Англию – военные, которые могли бы пойти на погашение долга США. В связи с этим Англия поднимала вопрос о полном аннулировании межсоюзнических военных долгов.

Основой для переговоров с советскими представителями Ллойд Джордж и Л. Барту считали Лондонский меморандум экспертов. В связи с этим германская дипломатия делала следующие выводы: «В Лондонском меморандуме, в статье 6, категорически оговорено право России на возмещение военного ущерба на основе статьи 116 Версальского договора, в то время как все прочие претензии России к союзникам рассматриваются как погашенные. Статьи 11 и 15 приложения № 2 меморандума категорически исключали всякие претензии Германии к России» [Цит. по: 1, с. 104]. Статья 16 Лондонского меморандума признавала принятые царским правительством законы о конфискации имущества, которые касались исключительно германской собственности. Это вызывало недовольство германской дипломатии, которая до этого согласовывала свою политику в отношении Советской России с Англией. 12 апреля 1922 года состоялась встреча У. Мальцана с представителями английской

делегации. У. Мальцан высказал недовольство статьями Лондонского меморандума и подчеркнул, что в ходе предварительных переговоров русские выразили готовность уступить в статье 116 Версальского договора.

В ходе Генуэзской конференции стало понятно, что союзники намерены вести переговоры с советскими представителями сепаратно. Англичане всячески отклоняли просьбы германской делегации о встрече и согласовании позиций. По слухам, доходящим до германской делегации, стало ясно, что Франция также стремится сделать главным предметом торга с русскими статью 116 Версальского договора.

На Генуэзской конференции столкнулись две линии политики в отношении Советской России. Политика Ллойда Джорджа была направлена на поиски соглашения с Советской Россией. Другая политическая линия заключалась в том, чтобы изолировать Россию, и проводилась, прежде всего, Францией, которая не доверяла призывам Советской России к установлению мира и разоружению, так как последняя, хотя и находилась в тяжелом политическом и экономическом положении, обладала военной мощью, превышавшей возможности ее ближайших соседей, и могла создать серьезную угрозу для их безопасности.

Французская позиция на Генуэзской конференции не стала неожиданной для немецкой делегации, поскольку полностью совпадала с политикой премьера Р. Пуанкаре, который контролировал главу французской делегации министра юстиции и по делам Эльзаса и Лотарингии Л. Барту. Удивление у немцев вызвало поведение Ллойда Джорджа, который всячески избегал встреч с представителями Германии. В. Ратенау, У. Мальцан, К. Бергман и другие дипломаты все время добивались контактов с англичанами, звонили им ежедневно, искали встреч, посылали письменные запросы. Причиной такой линии поведения был маневр Ллойда Джорджа, который мог привести к согласию Советской России уплатить долги Западу и взять на себя всю тяжесть восстановления европейской экономики. По мнению британского премьер-министра, необходимо было обсудить проблемы восстановления России и Европы с представителями Советской России полуофициально, но в компании делегатов Франции, Бельгии и Италии, так, чтобы на переговорах сформировался единый фронт государств против РСФСР.

Англия, под давлением Франции, настаивала на признании Лондонского меморандума в качестве основы для переговоров с советскими представителями. Германская делегация утверждала, что могла заключить соглашение с советской делегацией еще в Берлине до открытия конференции, но не сделала этого, ожидая, что Англия будет учитывать ее интересы на переговорах в Генуе. На переговорах с Советской Россией Англии и союзникам так и не удалось достичь договоренности в долгом вопросе. В то же время Англия полагала, что Германия не пойдет на заключение соглашения с Советской Россией. Сначала Ллойд Джордж относился к советско-германским переговорам весьма спокойно, видя в них средство нажима на Францию. При этом он полагал, что они будут находиться под британским контролем на основе тех планов экономической эксплуатации Советской России, которые он обсуждал с Вальтером Ратенау в Каннах.

Переговоры и шумиха вокруг них оказали решающее влияние на линию поведения германской делегации, которая планировала сотрудничать с Антантой, однако оказалась вне обсуждения проблем отношений с Советской Россией. Полная незаинтересованность союзников в потребностях Германии толкнула последнюю на возобновление начатых в Берлине переговоров с советской делегацией. В Берлин по этому поводу была отправлена телеграмма: «Здесьняя политическая обстановка требует, по-видимому, подписания отдельного соглашения с Россией с целью обеспечения германских прав, которым угрожают известные лондонские предложения. По содержанию соглашение будет соответствовать хранящемуся у Гаушильда проекту. Все находящиеся здесь представители партий и эксперты настойчиво высказываются за заключение договора, чтобы избежать изоляции» [Цит. по: Там же, с. 110]. В результате советско-германских переговоров был заключен Рапалльский договор, что привело к еще большему обострению англо-французских противоречий.

Рапалльский договор стал также вызовом политике безопасности Франции. Предполагалось, что он содержал секретные статьи, касающиеся военной кооперации двух стран. Французский премьер Раймонд Пуанкаре заявил вскоре после подписания Рапалло, что новые советско-германские отношения могут в будущем угрожать Польше и таким образом создать косвенную опасность и для Франции. Рапалльский договор давал возможность пересмотра условий Версаля на Востоке силовым путем, то есть той ситуации, которую французское руководство пыталось всячески избежать.

Французская газета «Тан» рекомендовала заключить англо-французский союз в противовес советско-германскому: «...нужно, чтобы Англия и Франция взаимно обязались вместе выступить в случае опасности» [7, с. 8]. «Журнал де деба», который выражал мнение Р. Пуанкаре, призывал исключить из конференции не только Германию, но и Советскую Россию: «Почему репрессивная мера применена лишь в отношении Германии? Почему она не распространена и на Россию или, лучше, почему, не воспользовавшись случаем, раз доказано несоответствие договора с каннской резолюцией, затребовать от Чичерина категорического признания обязательности Каннских решений? Если бы он отказался, русская делегация была бы исключена, иначе говоря, скажем мы, провалилась бы вся конференция, т.е. был бы достигнут результат, являющийся ныне единственным желанием Франции» [Там же]. Роспуска конференции требовали и другие печатные издания. В то же время, французская пресса не умаляла важности и значения Рапалльского договора. Парижская газета «Эр нувель» писала 5 мая 1922 года: «Если Чичерин и не добьется никаких кредитов, он все-таки вернется в Россию с почетом и возросшим престижем. В его активе будет Рапалльский договор и тот знаменательный факт, что среди европейских государственных деятелей он дал пример великолепной выдержки и ничего не принес в жертву на ненавистный алтарь капитализма» [Цит. по: 6, с. 102-103]. Газета «Матэн» задавалась вопросом, нет ли в этом договоре тайных статей о поощрениях и льготах в пользу АЭГ (всеобщей электрической компании), руководителем которой был ранее В. Ратенау [Там же, с. 78].

Газеты сожалели о германском признании России де-юре, пугали славяно-гевтонским союзом. Признавалось, что давление Антанты на Россию и Германию ушло в прошлое [Там же].

Рапалльский договор подрвал отношения между западными державами. Вместо неравноправного союза Антанты и Германии в Европе появилось партнерство России и Германии. Рапалльский договор вызвал обострение отношений между Францией и Англией. Р. Пуанкаре пугал Европу призраком военного сближения Германии и Советской России, требовал аннулирования договора и роспуска Генуэзской конференции. Ллойд Джордж стоял за продолжение конференции. Он резко ответил Р. Пуанкаре, заявив, что нельзя постоянно держать Россию и Германию в подчинении [11, с. 91]. Ллойд Джордж обвинял Францию в том, что она подтолкнула Германию и Советскую Россию к подписанию договора. Он был убежден, что если бы Р. Пуанкаре не настаивал так жестко на признании Россией довоенных долгов и не отказывался обсуждать германскую проблему, то никакого Рапалло не было бы. Недовольство Л. Джорджа росло и в связи с тем, что Р. Пуанкаре дал распоряжение делегации отстаивать свои интересы в противовес Англии. Франция была недовольна тем, что происходили секретные переговоры между Германией и Англией. Р. Пуанкаре полагал, что на этих встречах Германия выступала в роли посредника между Англией и Советской Россией.

После заключения Рапалльского договора английская делегация с другими союзными делегациями обвинила Германию в «измене общему делу». Реакция Англии на подписанный договор была резко критичной. Впоследствии Ллойд Джордж писал, что в Генуе встретились нации, чтобы в дружественной обстановке обсудить вопросы экономического восстановления Европы. В таком же духе можно было обсудить и репарационные вопросы, но это стремление погубила Германия, подписавшая соглашение с Россией [5, с. 27]. Английские журналисты пытались оправдать Ллойда Джорджа, изображая Рапалльский договор случайностью, досадной ошибкой немцев, результатом козней советской делегации. Д'Абернон утверждал впоследствии, что советская делегация обошла немцев, германская делегация оказалась в тупике и в момент отчаяния была вынуждена подписать договор [10, с. 292].

Ллойд Джордж занял двойственную позицию: внешне он разделял негодование Л. Барту по поводу заключения Рапалльского договора, но в действительности был осведомлен о переговорах между Советской Россией и Германией. Об этом свидетельствуют нижеприведенные мнения. В. Ратенау утверждал, что английская делегация была в курсе переговоров, которые велись между Советской Россией и Германией еще в Берлине. У. Мальцан заявлял, что «Ллойд Джордж систематически осведомлялся о всех важных шагах» [12, с. 56] через своего секретаря Е. Уайза. Газеты также сообщали о контактах немцев с ближайшим советником английского премьера Е. Уайзом, который не мог не доложить Л. Джорджу информацию, полученную от немцев [6, с. 76-77]. К. Б. Виноградов писал по этому поводу: «Давно уже высказаны сомнения в искренности гнева британского премьера... Он до поры до времени не чинил препятствий советско-германским переговорам и лишь хотел, чтобы они прошли под британским контролем. Но не рассчитал всех ходов и потому в раздражении писал 19 апреля о «проклятой германской глупости», которая поставила конференцию в опасность» [2, с. 346-347].

По мнению британского премьер-министра, Рапалло было проявлением вероломства и глупости, договор не соответствовал духу дружбы и лояльности, к которому Германия и Россия призывали все остальные страны. Ллойд Джордж считал необходимым предотвратить создание союза Германии и Советской России, который представлял бы серьезную угрозу европейской безопасности.

«Дейли кроникл», поддерживавшая Ллойда Джорджа, писала по поводу заключения Рапалльского договора: «Тактично ли было в настоящее время заключать договор, пусть остается этот вопрос нерешенным. Об этом еще долго будут спорить. Но, рассуждая здраво, в нем ничего нельзя найти нелояльного. В нем не выдвигаются никакие новые принципы, а дипломатические отношения, установленные на основе этого договора, уже давно установлены между советским правительством и многими другими правительствами, представленными в Генуе» [Цит. по: 9, с. 94].

Предпринятые попытки заставить Германию отказаться от заключенного договора успеха не имели. Советская и германская делегации заняли твердую позицию, отстаивая свое право урегулирования отношений в двустороннем порядке. После заключения Рапалльского договора Советская делегация стремилась добиться соглашения с Францией и Англией. Позиция Советской России по вопросу о долгах была изложена в меморандуме от 24 апреля 1922 года. Советская страна требовала признания де-юре со стороны капиталистических стран, немедленной и достаточной финансовой помощи для восстановления экономики. Советская Россия была готова согласиться с компенсацией довоенных долгов при условии, что погашение по ним начнется через 30 лет после подписания соглашения. Также она была готова частично удовлетворить претензии иностранных подданных – владельцев национализированного имущества – путем предоставления преимущественного права на концессии или аренду.

После Генуэзской конференции Англия надеялась сохранить единый фронт европейских государств против России, стало ясно, что постепенно Советская Россия будет налаживать свои отношения с ними и разрешать противоречия по отдельности. Доклады дипломатов о взаимоотношениях России со Швецией, Италией и Францией подтверждали уверенность в этом. Это также означало, что Великобритания в будущем придется пойти на переговоры с советским государством. Условием политического признания советского руководства должно было стать следование его международным стандартам взаимоотношений с иностранными государствами. Д'Абернон придерживался позиции, что новые отношения Германии и Советской России не будут продолжительными, так как между Берлином и Москвой существовали значительные разногласия по поводу пропаганды.

Великобритания и Франция по-разному оценивали перспективы партнерства между Германией и Советской Россией. Форен Офис рассматривал эти отношения как практический вопрос и интересовался, прежде всего, тем, как это повлияет на позиции Великобритании в Европе в будущем. Так как Лондон планировал

переустройство Европы без советского участия, то роль Советской России в партнерских отношениях с Германией не имела такого значения. Франция наоборот полагала, что советско-германские отношения если и не представляли собой в тот момент непосредственную угрозу безопасности, то могли стать таковой через определенное время в результате совместных действий двух государств в Восточной Европе.

В то время как Лондон преуменьшал значение Советской России в европейской дипломатии, Франция имела более сбалансированное мнение в отношении Москвы. Оценка Францией советско-германских отношений исходила, прежде всего, из того, насколько они могли повредить ее безопасности. Советско-германское сближение, по мнению французских дипломатов, могло быть использовано Германией для того, чтобы уничтожить Версальское устройство в Европе.

В течение 1920-х годов восприятие и оценка советской власти, ее намерений и дипломатии были важными составляющими европейской политики Англии и Франции. После того как британский план включения Советской России в семью европейских держав на Генуэзской конференции провалился, британские и французские официальные лица начали объяснять действия Советской России как стремление к проведению мировой революции, нежели установлению добрососедских отношений с другими государствами. В 1922-1927 годах Британия и Франция оценивали Россию как государство второго плана, которое, тем не менее, в сотрудничестве с Германией могло бросить серьезный вызов системе безопасности в Европе. Великобритания и Франция соглашались в том, что Советская Россия не будет проводить свою политику по общепризнанным правилам. Сотрудничество Германии и Советской России, с одной стороны, вызывало опасения стран Антанты, а с другой стороны, способствовало их выходу из международной изоляции. Начавшаяся полоса признания Советского Союза была частично ответом на рапальскую политику и была вызвана стремлением западных держав не упустить выгоды от налаживания отношений с советской страной.

Результатом политики Англии и Франции в начале 1920-х годов стало возвращение России в европейскую политику, но не так как это предполагали лидеры Антанты. Изначальное стремление Германии действовать в русле политики Англии и согласовывать свою позицию с линией поведения Ллойд Джорджа наталкивалось на нежелание французского руководства идти на уступки по репарационному вопросу, невозможно было достичь соглашения между Англией, которая призывала к восстановлению европейской экономики, и Францией, которая проводила «политику гарантий». Несогласованность политики Англии и Франции и их попытки использовать невыгодные для Германии условия Версальского договора в качестве предмета торга с Советской Россией вынудили Германию согласиться на двустороннее решение вопросов с советским государством и действовать вразрез позиции стран Антанты. Попытки Англии и Франции оказать давление на Германию и Советскую Россию с помощью экономических рычагов не удалась, а выход советского государства из экономической и политической изоляции привел к пересмотру позиции европейских держав в этом вопросе и открыл путь для юридического признания Советской России.

Список литературы

1. Ахтамзян А. А. Профили рапальской дипломатии: очерки. М.: МГИМО-Университет, 2009. 288 с.
2. Виноградов К. Б. Дэвид Ллойд Джордж. М.: Мысль, 1970. 412 с.
3. Далин Д. После войн и революций. Берлин: Грани, 1922. 288 с.
4. Лемин И. М. Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно. М.: ОГИЗ, 1947. 488 с.
5. Ллойд Джордж Д. Европейский хаос. М. – Л.: Петроград, 1924. 151 с.
6. Любимов Н. Н., Эрлих А. Н. Генуэзская конференция (воспоминания участников). М.: Изд-во Института международных отношений, 1963. 158 с.
7. *Международная жизнь*. 1922. № 7 (125).
8. Радек К. Внешняя политика Советской России. М. – Пг.: Госиздат, 1923. 111 с.
9. Росенко И. А. Советско-германские отношения. 1921-1922 гг. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1965. 157 с.
10. Рубинштейн Н. Л. Советская Россия и капиталистические государства в годы перехода от войны к миру (1921-1922). М.: Госполитиздат, 1948. 462 с.
11. Садовая Г. М. Вальтер Ратенау и Рапальский договор: материал к спецкурсу. Самара: Самарский университет, 2001. 116 с.
12. Штейн Б. Генуэзская конференция. М.: Госиздат, 1922. 127 с.
13. Jacobson J. When the Soviet Union Entered World Politics. Berkeley: University of California Press, 1994. 404 p.

SOVIET AND GERMAN RELATIONS AND ATTITUDES OF GREAT BRITAIN AND FRANCE (1918-1923)

Klyshevich Mariya Aleksandrovna
Ryazan State University named after S. A. Yesenin
klyshevichm@mail.ru

The formation of the Soviet-German relations in 1918-1923 was a difficult process, influenced not only by the inner problems of the states, but also by the international situation and the interests of other countries. Great Britain and France were the leading states of post-war Europe and they had to take into consideration the Soviet-German cooperation during foreign policy formation. The author analyzes the attitudes of Great Britain and France to Germany and Soviet Russia, and makes conclusions about their impact on the formation and development of the Soviet-German contacts.

Key words and phrases: the Soviet-German relations; foreign policy of Great Britain; foreign policy of France; the Genoa conference (1922); the Treaty of Rapallo (1922).